

нии генезиса феодальных отношений обращать внимание не столько на форму крестьянского землевладения, сколько на те условия, которые или препятствовали, или способствовали развитию феодальных отношений, на те внутренние возможности, которые имела община для поддержания мелкого крестьянского хозяйства и сохранения воспроизводства хозяйственных и социальных отношений на прежнем уровне? Сила сопротивления общины процессу закабаления непосредственного производителя базировалась вовсе не на наличии общинного землевладения. Всеобщая история дает примеры закрепощения крестьян при самых различных формах землевладения. Общинное землевладение вовсе не есть основа общины. Основа общины — производство. Всякая трудовая община как крестьян, так и ремесленников зарождается в недрах трудовой деятельности и имеет целью создание условий для воспроизводства. Разумеется, в примитивных условиях производства в родовой общине общинная собственность была наиболее эффективной формой собственности, но когда условия производства приводили к тому, что парцеллярное хозяйство делалось наиболее выгодным, самой удобной основой воспроизводства стала частная собственность. Разложение общинной собственности вовсе не означает разложения общины, наоборот, как показывает ремесленная община — цех, городская община средневековья, — общинные связи могут быть мощными и там, где элемент коллективной собственности (например на общие здания) играет минимальную роль.

Славяне застали в Византии такие общины, которые представляли собой союзы мелких землевладельцев-крестьян, причем в общинной, коллективной собственности находились луга, некоторые пустующие земли, леса, т. е. то, что германисты называют „альмендой“. „Земледельческий Закон“ фиксирует именно такую общину, которая состояла из мелких собственников — непосредственных производителей и осуществляла административно-судейские функции местного значения. Разумеется, что рассмотрение таких важных дел, как дела о святотатстве, мятеже, измене, деворащении, не входило в функции местного деревенского самоуправления. Не обладало оно и такими прерогативами, как оформление завещаний, купли-продажи земельных участков и т. д. Несостоятельными поэтому являются все попытки доказывать наличие общинной собственности на земельные участки крестьян ссылками на отсутствие в „Земледельческом Законе“ статей о продаже земли или же апелляции к тем статьям, которые говорят о наличии системы эпитафие.

Что же внесено славянами в византийскую общину? Именно то, о чем говорил Энгельс, — сплоченность, основанная на пережитках родовых отношений, большесемейные и родственные узы, которые в новых условиях переходили в соседскую сплоченность и взаимопомощь²⁰. Статьи „Земледельческого Закона“ говорят именно о такой

²⁰ Вопрос о влиянии славянского права, выдвинутый „русской теорией“, подвергся критике как со стороны дореволюционных русских исследователей (Б. А. Панченко, А. П. Рудаков), так и со стороны западных (Ф. Дэльгер) и эмигрантских (Г. Вернадский). Караяннопулос заявляет: „Наконец, и русские ученые (со ссылкой на Вернадского) признали, что о древнеславянском праве мы ровно ничего не знаем“ (BZ, Bd. 50, 1957, S. 167). Разумеется, мы не имеем юридических источников древнеславянского права V—VII вв.; буржуазная наука на этом и останавливается, но марксистская историография, используя сравнительно-исторические данные о закономерном стадийном развитии общества, имеет более широкие возможности судить и о „праве“ славянских племен периода их переселения на Балканский полуостров. Классические положения Ф. Энгельса в его „Происхождении семьи, частной собственности и государства“ вполне применимы и к славянскому обществу V—VII вв. и могут облегчить понимание тех скудных данных, которые мы имеем из нарративных византийских источников.